
© Ю.М. ГОНЧАРОВ

yuriig@yandex.ru

УДК 94(571)081/083

**ОДИНОКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
во второй половине XIX - начале XX века***

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются социальное и экономическое положение одиноких женщин (вдов, незамужних, разведенных) в городах Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX века.

SUMMARY. The article is devoted to social and economic status of single women (widows, unmarried women, divorced women) in the cities of Western Siberia in the second half of 19th – beginning of 20th century.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Женщины, Сибирь, вдовы, разведенные, проституция
KEY WORDS. Women, Siberia, widows, divorcees, prostitution.

Сложные социально-демографические процессы современности, в частности, большая доля одиноких женщин, значительное число разведенных, распространенность неполных семей делают актуальным изучение данной проблематики в исторической ретроспективе. Тема одиноких женщин в провинциальных городах дореволюционной России остается практически не изученной. Лишь отдельные сюжеты этой проблемы затрагивались в некоторых работах общего характера, посвященных, например, истории семьи. Большой интерес вызывают и региональные особенности, поскольку Сибирь в дореволюционный период являлась регионом интенсивной колонизации, местом ссылки и каторги.

Специфика колонизируемой окраины часто приводила к преобладанию мужчин и недостатку женщин в отдельных районах Сибири. По данным переписи 1897 г., женщины составляли 48,6% населения региона. Преобладание мужчин было характерно для большинства сибирских городов, особенно крупных. Так, в Томске в 1880 г. на 18036 муж. приходилось 15798 жен. (46,7%) [1; 17]. Особенно неравномерным было соотношение полов в крупнейшем городе Западной Сибири — Омске, где стояли значительный воинский гарнизон, и мужчины составляли порой до $\frac{3}{4}$ населения города. Например, в 1890 г. в Омске на 22700 муж. было 16841 жен. (42,6%). Если в целом в городах Российской империи в 1906 г. на 100 мужчин приходилось 91,3 женщин, то Сибири — 84,1 [2; 20-21].

Тем не менее, несмотря на преобладание мужчин, значительная часть женского населения, в том числе и взрослого, находилась вне брака. Так, например, по данным однодневной городской переписи Омска 1877 г., женщины добрачного возраста (до 16 лет) составляли 31,6%, девицы старше 16 лет — 16,3%, со-

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (№ 2009-1.1-301-072-016).

стоящие в браке — 38,9%, вдовы — 13,1%, разведенные — 0,012%. Примечательным фактом была значительная доля вдов среди женского населения — 13,1% от женщин всех возрастов, при этом соответствующий показатель среди мужчин составлял всего 3,3% [3; 96-97].

Сходная ситуация наблюдалась и в других городах региона. Так, по данным переписи Томска 1880 г. вдовы составляли весьма значительную долю среди женщин всех возрастов — 14,9% [1; 33]. Материалы однодневной переписи Тобольска 1882 г. показывают, что доля вдовых женщин была значительно больше, чем вдовцов-мужчин — 12,5% против 4,5%. При этом среди взрослых женщин в возрасте старше 16 лет вдовы составляли 22,5%, т.е. почти каждая четвертая взрослая женщина Тобольска являлась вдовой, и только каждый 17-й взрослый мужчина был вдовцом [4; 403]. Однодневная перепись населения Барнаула 1895 г. показывает, что в возрасте старше 16 лет холостые мужчины составляли 26,2%, незамужние женщины — 21,7%. Доля вдовых женщин (14,6%), так же, как и в других городах региона, была значительно выше доли вдовых мужчин (6,2%). Можно отметить и увеличение числа разведенных. По переписи было отмечено 12 разведенных мужчин и 32 женщины, в целом разведенные составляли 0,29% от числа взрослых, причем среди женщин этот процент достигал 0,42% [5; 36-39].

Материалы переписи 1897 г. позволяют сравнить распределение по группам семейного состояния в городах региона и в уездах. Превышение доли вдовых женщин над долей вдовцов-мужчин отмечалось также и в сельской местности, но в городах эта разница была намного больше (8,1% мужчин и 12,1% женщин в уездах и 7,0% мужчин и 19,5% женщин в городах) [6].

Можно отметить также некоторый рост числа разведенных по сравнению с серединой XIX в. Всего разведенных в городах Тобольской губернии в 1897 г. насчитывалось 40 мужчин и 59 женщин, или 0,16% всех взрослых старше 15 лет, в Томской губернии процент разведенных был несколько выше — 0,19% среди лиц старше 15 лет. На увеличение числа разводов в пореформенное время уже обращали внимание. Так, историк Р. Вагнер, анализируя социальное происхождение лиц, обращавшихся с прошением о разводе, пришел к выводу, что экономическое развитие и урбанизация содействовали увеличению числа разводов и раздельного жительства супругов [7; 91-96].

К концу XIX в. подавляющее большинство горожан региона на протяжении своей жизни вступало в брак. Доля мужчин, никогда вступавших в брак, составляла в 1897 г. около 5%, женщин — около 7%. В целом по стране в конце XIX в. среди городского населения в возрасте 50 лет никогда не вступавших в брак мужчин было 11%, женщин — 12%, в сельской местности, соответственно 3 и 4%. В крупных городах безбрачие прогрессировало быстрее. Например, в Петербурге в 1891-1900 гг. среди лиц в возрасте 50 лет насчитывалось 13-15% мужчин и 19-21% женщин, никогда не состоявших в браке [8; 172].

По данным переписи 1897 г. можно также отметить увеличение с возрастом численности вдовых как среди мужчин, так и среди женщин. К возрасту старше 75 лет уже более 60% мужчин и 80% женщин были вдовыми. Главной причиной вдовства была высокая смертность населения. Гораздо большая доля вдов среди всех женщин, чем вдовцов среди всех мужчин, наблюдавшаяся на протяжении всего изучаемого периода, объясняется более поздним, чем у женщин, вступлением в брак у мужчин, в результате чего мужья были старше своих жен и, следовательно, последние имели больше шансов пережить своих супругов, тем

более, что и средняя продолжительность жизни женщин в городах региона была существенно выше, чем у мужчин. Статистик того времени так обосновывал большую продолжительность жизни женщин в городах: «Другим характерным явлением <...> является гораздо меньшее влияние, оказываемое городской жизнью на женщин, чем на мужчин. Объяснить это можно тем, что женщины в городах в меньшей степени, чем мужчины, подвергаются многим вредным влияниям городской жизни (вредные занятия, алкоголизм и т.п.)» [9; 48]. Кроме того, мужчины имели гораздо больше шансов, овдовев, вступить в повторный брак.

Вдовство и потеря кормильца ставило перед женщинами значительные экономические проблемы. Как отмечал С.С. Шашков: «Бездетная вдова считалась сиротою, личностью беззащитною и беспомощною, и, если не возвращалась в семейство своих родителей, то поступала на попечение церкви, шла в монастырь или в богадельню... Свою силу и значение женщина получала только от семейства, за неимением которого у нее не оставалось в обществе никакой опоры, кроме благотворительных заведений» [10; 119]. Если вдова оставалась жить с родственниками, скажем, братьями умершего мужа, она имела с их стороны определенную экономическую поддержку. В большинстве случаев, женщина, обремененная детьми, могла прибегать лишь к заработку, не требовавшему от нее длительных отлучек из дому: подрабатывала стиркой, мытьем полов, шитьем одежды, сдачей в наем помещения.

При ничтожном заработке положение вдов было крайне тяжелым: их дома приходили в ветхость, хозяйство — в полное разорение, дети не посещали школу. Пенсии получало очень небольшое количество вдов, в основном вдовы чиновников, офицеров, и они были мизерными. По данным переписи 1877 г., в Омске среди женщин старше 50 лет (1081 чел.) только 11% получали пенсию или имели капитал, остальные «живут призрением общественным и частным» [3; 15]. Часто вдовы вынуждены были отдавать детей на усыновление или воспитание родственникам. Подростков-девочек определяли обычно в услужение горничными, кухарками — «на всем готовом» и с небольшой денежной оплатой, а иногда и бесплатно — за еду и одежду.

В купеческой среде положение одинокой женщины было более благоприятным. Экономическая роль женщины находила отражение в практике наследования купеческих капиталов. Нередко глава семьи завещал все имущество и управление делами после своей смерти жене, даже при наличии взрослых детей мужского пола. Встречается много примеров, когда после смерти мужа вдова брала в свои руки семейное дело. Она выбирала на свое имя купеческое свидетельство, несла ответственность за торговые операции, без ее разрешения из общего капитала не могли выделиться взрослые сыновья со своими семьями.

Многим из сибирячек удавалось в течение долгих лет умело управлять собственным делом, поддерживать на должном уровне семейные капиталы и коммерческую репутацию. Например, бийская купчиха Елена Григорьевна Морозова, унаследовав в 1894 г. торговое предприятие, несмотря на то, что ей было уже 62 года, и она была практически неграмотна, твердой рукой 14 лет вела семейное дело. Новаторски подойдя к предпринимательству, купчиха превратила традиционную торговую фирму в многоотраслевой комплекс, построила ряд промышленных предприятий и в несколько раз увеличила капитал. За широкую благотворительную деятельность Е.Г. Морозова была награждена медалью «За усердие» на аннинской ленте, медалью в память о царствовании

императора Александра III, а от имени великой княжны Марии Павловны получила золотой браслет с сапфиром и бриллиантом [11].

Современники отмечали, что сибирские женщины отличались от женщин центральной части России чертами характера и поведением. Сибирячки были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными. «В Тюмени, в Гостином дворе, — писал в своих воспоминаниях купец Н. Чукмалдин, — было с мануфактурными товарами до двух десятков лавок, и половина их велась и управлялась женским персоналом не менее удачно, чем другая половина. Я также знал множество ремесленных семей, потерявших главу семьи — мужчину, которые потом руководимы были женою умершего, а заведенное ремесло продолжалось и развивалось безостановочно» [12; 99]. Нужно отметить также, что с течением времени число сибирячек, активно занимающихся предпринимательской деятельностью, увеличивалось.

По данным переписи 1897 г., женщины, самостоятельно ведущие торговое дело, составили 7,8% сибирских купцов, среди владельцев гостиниц, постоянных дворов и трактиров женщин было 17,9%. Наиболее активно женщины занимались розничной торговлей, поскольку она не требовала вложения крупных капиталов и наличия специального образования. Основную массу предпринимательниц в Сибири составляли владелицы аптечных магазинов, бакалейных и галантерейных магазинов, питейных заведений, меблированных комнат, книжных киосков, мукомольных мельниц, кирпичных, дрожжевых, кожевенных заводов, общественных бань.

Однако необходимо отметить, что среди крупнейших женщин-предпринимательниц региона большинство было именно вдовами, т.е. поддерживали и развивали дело, доставшееся по наследству от мужа, а не пробившись к вершинам бизнеса самостоятельно. Вдовами были, например, кроме упоминавшейся бийской купчихи Е.Г. Морозовой, омская купчиха М.А. Шанина, иркутская А.К. Медведникова, барнаульская предпринимательница Ю.А. Пранг и другие.

В провинциальных городах, и, в частности, в Сибири, вовлеченность женщин в экономику была ниже, чем в столицах. Так, по данным однодневной городской переписи Омска 1877 г., среди женщин трудоспособного возраста (от 16 до 50 лет) только 31,9% зарабатывали себе средства к жизни самостоятельно, главным образом в качестве прислуги (52% всех трудящихся женщин), а 59,1% жили за счет своих мужей, отцов, других родственников и благотворительности. В то же время в Петербурге сами зарабатывали средства на жизнь 50,3% женщин трудоспособного возраста, из чего организаторы омской переписи сделали вывод: «Выходит, что женский труд в Омске мало развит и омская женщина живет более зависимой жизнью. В трудовой жизни естественными участницами являются главным образом незамужние взрослые и вдовы» [3; 18].

Заработки женщин были значительно ниже мужских. Так, например, на рубеже XIX-XX вв. на заводах Тобольска мастер мужчина получал 15-30 руб., женщина-мастерица — 10 руб., рабочий — 8-10 руб., работница — 6-8 руб. в месяц [13; 64]. В 1905 г. в Енисейской, Тобольской губерниях, Забайкальской области средние заработки работниц составляли 49-58% оплаты труда мужчин. Это в целом было выше, чем в Европейской России и было связано с тем, что дефицит рабочей силы ощущался в Сибири острее.

В силу этих причин в пореформенный период процент работающих женщин в сибирских городах постоянно увеличивался. В начале XX столетия, на некоторых предприятиях Тобольска и Тюмени женщины составляли до 60% работающих. О причинах того, почему хозяева промышленных предприятий охотно брали на работу женщин, писала газета «Тюменский рабочий»: «На [спичечной] фабрике работает много женщин. Женщина всегда меньше сопротивляется, чем мужчина, менее требовательна, более покорна. Женщине меньше платят, над ней больше издеваются. Мало того, где работает женщина, там неизменно находятся негодяи, наемная хозяйская сволочь, лакомая до женского тела, пользующаяся подневольным, голодным положением женщин, чтобы насиловать ее, заставить отдаться им — продажным и подлым холопам» [14].

Показательно для характеристики неравноправного положения женщин, особенно одиноких, отношение к сфере сексуальности. Говоря о контроле над женской сексуальностью в сравнении с мужской, необходимо признать, что для Сибири были характерны традиционные, патриархальные принципы. Нравы были строгие, и сексуальные отношения находились под жестким контролем общественного мнения, в особенности для женщин. При этом, на наш взгляд, при контроле добрых и внебрачных сексуальных практик, очень много зависело от социального положения. Если в среде чиновников, верхушки купечества, интеллигенции такие связи контролировались довольно жестко и однозначно осуждались, то в среде мещан, ремесленников, торговых служащих к ним относились гораздо более терпимо.

О двойном стандарте по отношению к женской и мужской сексуальности красноречиво свидетельствуют бракоразводные дела, отложившиеся в сибирских архивах. Для расторжения брака необходимо было подать соответствующее прошение, в котором нужно было обосновать свою просьбу. В прошениях горожан о разводе указывались, например, такие причины: «ссылка супруга за убийство далее в Сибирь», «невозможность исполнения супружеского долга» и т.п. Но самой распространенной причиной развода была «прелюбодейная жизнь» одного из супругов. При этом в подавляющем большинстве случаев инициаторами разводов были мужчины.

Преобладание мужчин среди инициаторов разводов по мотивам «прелюбодейной жизни» совсем не означает, что женщины в Сибири были сексуально раскованны. Наоборот, мужчины имели гораздо больше возможностей для внебрачных сексуальных связей. Например, среди купечества, части мещан, чиновников этому способствовали частые и длительные поездки по торговым и служебным делам. Подобные связи в подавляющем большинстве случаев не приводили к разводам. В отношении же внебрачных сексуальных связей женщин господствовала крайняя нетерпимость. Малейший намек на такую связь мог стать и становился поводом для развода.

Двойной стандарт приводил к крайне нетерпимому отношению к внебрачным рождениям. Положение женщины, родившей незаконнорожденного ребенка, было чрезвычайно сложным: она практически не имела шансов вступить в брак, найти работу. Все это приводило к тому, что в полицейских донесениях о происшествиях в сибирских городах часто встречались такие записи как, например:

«В Тобольске 16 марта [1870 г.] неизвестная женщина вошла в дом мещанина Ильи Панфилова, с грудным младенцем женского пола, и когда хозяйка дома Наталья Панфилова отлучилась в другую комнату, то упомянутая женщина, оставив ребенка на кровати, вышла на улицу и более не возвращалась» [15].

Внебрачных рождений в городах отмечалось значительно больше, чем в деревне. Так, в 1890 г. в Томской губ. доля незаконнорожденных в сельской местности составляла 2,9%, в городах — 7,1%, при этом максимальной эта доля была в крупнейшем городе — Томске — 12,6%. В городах Сибири в изучаемый период отмечался постоянный рост внебрачных рождений. Вот как, например, писал современник о Томске: «Число внебрачных рождений и рождений от неизвестных родителей в нем идет быстро в гору. В 1906 г. первых было 276, или 7,7% общего числа рождений, в 1910 их стало 448, или 11,1%, вторых в 1906 г. было 129, или 3,6%, — в 1910 г. стало 296 или 7,4%». В небольших городах доля внебрачных рождений была меньше, чем в крупных. Так, в 1910 г. доля внебрачных рождений в Кургане была значительно меньше, чем в Томске. В этот год из 1285 родившихся незаконнорожденными были 71 ребенок, или 5,5%. В городах распространенность внебрачных рождений была значительно больше, чем в сельской местности. В конце XIX в. по России процент внебрачных рождений в сельской местности составлял 1,8%, в городах — 10,8% [16; 151].

Чрезвычайно тяжелые условия существования матерей-одинок — примета повседневной жизни городов в рассматриваемый период. О них никто не заботился, они еще не стали объектами социального попечения, и не могли содержать себя и своих детей, так как общество по-прежнему считало их изгоями, а законы не защищали. Конечно, судьба одиноких матерей и их незаконнорожденных детей всегда была непростой. Но в рассматриваемый период города впервые столкнулись с этой проблемой в таких масштабах, которых общество раньше не знало [17; 259].

Пониженное положение женщин в сфере сексуальности приводило к проституции. По данным ЦСК, на 1 августа 1889 г. в Сибири действовало 90 домов терпимости, в которых проживало около 500 женщин. При этом большинство проституток занимались своим промыслом нелегально. Условия жизни проституток были незавидными: либо они платили за стол и кров и в этом случае забирали себе половину заработка, либо, если платить было нечем, хозяйка забирала себе все заработанное. Расценки были невелики: «на время — 1 руб., на ночь — 5 или 10 руб.» [18; 59]. Согласно правилам для домов терпимости, публичных женщин разрешалось принимать с 16 лет, заведение закрывать по воскресеньям и в праздники до обеда. В сибирских городах занимались проституцией чаще всего молодые девушки в возрасте до 25 лет из крестьян или мещан, русские, православные, неграмотные, незамужние, имевшие существенные материальные затруднения [19; 36-37].

Таким образом, в результате социальных и экономических процессов, протекавших в городах Сибири во второй половине XIX - начале XX в. положение одиноких женщин изменялось. Для городского населения было характерно значительное число вдов. В провинциальных городах возрастало количество одиноких матерей, многие из которых бросали своих детей. Основной причиной девиантного поведения женщин являлась их экономическая несостоятельность, отсутствие системы социального обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 г. Томск, 1880. 54 с.
2. Памятная книжка Акмолинской области на 1909 год. Омск, 1909. 241 с.
3. Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 года. Омск, 1882. 108 с.
4. Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 351-408.
5. Швецов С.П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Т. 2. Вып. 1-2. Барнаул, 1898. 101 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губ., СПб., 1905. 247 с.
7. Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994. 413 p.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Т. 1. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с.
9. Новосельский С.А. Различия смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. № 4. С. 40-62.
10. Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1872. 241 с.
11. Старцев А.В. Морозовы // Деловая элита старой Сибири: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 147-152.
12. Чукмалдин Н. Мои воспоминания. СПб., 1899. 107 с.
13. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Тюмень: Вектор-Бук, 2007. 374 с.
14. Тюменский рабочий. 1908. 20 декабря.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 31. Д. 1820. Л. 38об. 39.
16. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
17. Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX-XX в. 1890-1914: На м-лах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 411 с.
18. Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-1917 гг.) // Социс. 2000. № 5. С. 52-61.
19. Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX - начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. 188 с.